

РОМАН Г.Н. ПОТАНИНА «СТАРОЕ СТАРИТСЯ, МОЛОДОЕ РАСТЕТ» КАК BILDUNGSROMAN

З.В. Гусева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; zoia.guseva.2000@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу романа малоизвестного сегодня писателя-шестидесятника Г.Н. Потанина «Старое старится, молодое растет» как Bildungsroman(a). Произведение рассматривается в контексте традиции русского романа воспитания и сопоставляется с образцовыми примерами этого жанра — «Рыцарем нашего времени» Н.М. Карамзина, «Обломовым» И.А. Гончарова и др. Ряд сюжетных совпадений и текстуальных параллелей между романами «Старое старится, молодое растет» и «Обломов», а также некоторые факты биографии Потанина позволяют предполагать, что в своем творчестве писатель испытывал особое влияние со стороны Гончарова. Хотя замысел Потанина не был воплощен до конца и роман остался незавершенным, в произведении тем не менее воспроизводится классическая схема романа воспитания и реализуются его основные топосы: главный герой переживает процесс нравственного становления; путем совершения ошибок, преодоления жизненных испытаний, столкновения с самыми разными людьми он двигается от идиллически изображаемого детства в сторону взрослой жизни. Несмотря на многочисленные черты, связывающие произведение с жанровой традицией, роман «Старое старится, молодое растет» уникален: если другие русские Bildungsroman(ы) создавались дворянами, о дворянах и для дворян, то главным героем романа Потанина оказывается крепостной мальчик (крепостным был в детстве и сам автор), в силу чего на первый план в произведении выдвигается социальная проблематика. «Старое старится, молодое растет» сочетает в себе, таким образом, черты романа воспитания, романа из крестьянского быта и художественно оформленных воспоминаний автора.

Ключевые слова: русская литература XIX века; Г.Н. Потанин; Н.М. Карамзин; Н.А. Некрасов; И.А. Гончаров; роман воспитания; идиллия

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-12

Для цитирования: Гусева З.В. Роман Г.Н. Потанина «Старое старится, молодое растет» как Bildungsroman // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 151–161.

G.N. POTANIN'S NOVEL *THE OLD GETS OLDER, THE YOUNG GROWS UP* AS A BILDUNGSROMAN

Zoia V. Guseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; zoya.guseva.2000@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the novel *The Old Gets Older, the Young Grows up* by G.N. Potanin, a little-known sixties writer, as a Bildungsroman. The work is considered in the context of the tradition of the Russian novel of education and compared with exemplary works of this genre — *The Knight of Our Time* by N.M. Karamzin, *Oblomov* by I.A. Goncharov and others. A number of plot coincidences and textual parallels between the novels *The Old Grows Old, the Young Grows up* and *Oblomov*, as well as some facts of Potanin's biography, suggest that in his work the writer was particularly influenced by Goncharov. Although Potanin's idea was not realized to the end and the novel remained unfinished, the work nevertheless reproduces the classical scheme of Bildungsroman and realizes its main topoi: the protagonist experiences the process of moral formation, by making mistakes, overcoming life's trials, and encountering a variety of people he moves from idyllic childhood to adulthood. Despite the numerous features that link the work to the genre tradition, the novel *The Old Grows Old, the Young Grows up* is unique: while other Russian Bildungsromans were created by the nobility, about the nobility and for the nobility, the protagonist of Potanin's novel is a serf boy (the author himself was a serf in his childhood), and therefore social issues are brought to the forefront of the work. *The Old Gets Older, the Young Grows up* combines, thus, the features of a novel of education, a novel of peasant life and artistically shaped memories of the author.

Keywords: Russian literature of the 19th century; G.N. Potanin; N.M. Karamzin; N.A. Nekrasov; I.A. Goncharov; Bildungsroman; idyll

For citation: Guseva Z.V. (2026) G.N. Potanin's Novel *The Old Gets Old, the Young Grows up* as a Bildungsroman. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 151–161.

Писатель-шестидесятник Гавриил Никитич Потанин (1823–1910) не вошел в литературный канон и известен сегодня только узкому кругу исследователей. Между тем, его роман «Старое старится, молодое растёт» представляет уникальный для русской литературы случай Bildungsroman(a), где главным героем оказывается крестьянин. Как известно, русская классическая литература создается в массе своей писателями-дворянами (идея романа воспитания — и воспитания вообще — тоже кажется очень «дворянской»). Описать крестьянское сознание пытались многие авторы, однако, как показывает А.В. Вдовин, их попытки привели лишь к признанию инаковости крестьян, непрозрачности их мышления и сознания [Вдовин 2024: 13]. Убедительность в изображении быта и взглядов

крестьян, внутреннего мира дворового мальчика Васи Подпалкина в романе Г.Н. Потанина не в последнюю очередь обусловлена происхождением автора: сам Потанин в детстве был крепостным, и его роман «Старое старится, молодое растет» во многом автобиографичен¹.

Лично знавший писателя И.П. Ювачев в некрологе Потанина приводит следующую выдержку из разговора с ним: «Мое “Старое старится”, — говорит сам Потанин, — это семейные записки, в которых почти все — эпизоды моей собственной жизни» [Ювачев 1911: 519]. Очевидный, прямо заявляемый романистом автобиографизм произведения в жанровом отношении сближает «Старое старится, молодое растет» с воспоминаниями в духе С.Т. Аксакова². В то же время полностью отождествлять роман Потанина с мемуарами было бы неверно: между автором и Васей Подпалкиным на протяжении всего произведения сохраняется дистанция, о чем говорят и повествование от третьего лица, и неполное совпадение жизненных событий Потанина и его героя, и, как нам кажется, сознательная ориентация автора на существующие литературные образцы. Это последнее обстоятельство подводит нас к мысли об отсутствии непреодолимой разницы между жанрами воспоминаний и романа воспитания, поскольку любая попытка рефлексии, в частности, осмысления своего опыта взросления, так или иначе актуализирует паттерны, предлагаемые обществом, литературой, искусством: как убедительно показывает Е.А. Краснощекова, для середины XIX в. модели романа воспитания — это доминирующие модели понимания того, каким образом и откуда появляются взрослые характеры [Краснощекова 2008: 11–12]. Художественно оформленные воспоминания о детстве и юности, таким образом, не могут быть полностью свободны от тех способов осмысления взросления, которые характерны для романа воспитания — хотя бы в силу общности предмета изображения такого рода текстов. «Старое старится, молодое растет» соединяет в себе черты разных литературных жанров, однако со всей очевидностью тяготеет к Bildungsroman(y), что мы и пытаемся показать в настоящей статье.

Интерес к простому человеку в 1861 г., когда роман Потанина печатается на страницах «Современника», кажется закономерным — как замечает Вдовин, к 1850-м гг. (именно в это время Потанин начинает работать над романом) «образы крестьян <...> становятся

¹ О детстве Г.Н. Потанина см.: [Макеев 2001: 35–37].

² Это, прежде всего, вторая и третья части автобиографической трилогии: «Детские годы Багрова-внука» и «Воспоминания». Жанровая природа этих произведений тоже, впрочем, неоднозначна — подробнее об этом см., например: [Гинзбург 1979: 11–12; Машинский 1960: 142–143].

предметом интенсивного культурного потребления российских элит в доселе невиданных объемах» [Вдовин 2024: 30]. При этом до 1861 г. в русской литературе выходит всего четыре по-настоящему крестьянских романа («Рыбаки» и «Переселенцы» Д.В. Григоровича, «Крестьянка» А.А. Потехина, «Беглянка» С.Т. Славутинского) [Вдовин 2024: 9], и говорить об устоявшейся традиции еще не приходится. Мы попытаемся картографировать роман Потанина и определить его место в традиции русского романа воспитания.

Роман «Старое старится, молодое растет», судя по всему, должен был целиком представить историю взросления героя, однако осуществить задуманное в полной мере автору не удастся. В письме к Н.А. Добролюбову от 23 июня 1860 г. Некрасов писал о Потанине и его романе: «Он его писал десять лет и еще не кончил» [Некрасов 1999: 136]. О том, что авторский замысел воплотился не до конца, позволяет судить и сам текст произведения. Для читателей «Современника» роман заканчивается трогательной сценой прощания главного героя, крепостного мальчика Васи, и его подруги, барышни Лиденьки, которой предстоит уехать из имения отца. Изобразив эту картину, автор-повествователь заявляет читателю: герои еще встретятся, но «когда это будет и при каких обстоятельствах — вот этого-то я теперь тебе и не скажу. Хочешь ты, так читай — дочитай-ешься» [Потанин 1861: № 4, 495]. Этот же прием авторского провидения применяется и в других местах романа, чтобы указать на непростую дальнейшую судьбу героя: «Вся нравственная жизнь моего будущего человека, основанная на грязи, заблуждении и пороке, будет та же грязь, заблуждение, порок и гибель, если не спасут его от них высшие силы!» [Потанин 1861: № 3, 42] В 1864–1865 гг. в журнале «Русское слово» выходят «Эпизоды из романа» Потанина — отдельные главы, продолжающие роман «Старое старится, молодое растет». Прежнее линейное повествование в какой-то момент прерывается, на первый план выходят новые герои. История взросления Васи Подпалкина развивается в этих главах стремительно, но доходит лишь до отрочества героя (А.Ф. Макеев пишет о рукописном продолжении произведения Потанина [Макеев 1968: 211–212], однако в настоящей статье мы будем опираться только на опубликованные материалы). Архитектура Bildungsroman(a) подразумевает изображение и результатов воспитания, в конечном итоге представляя характер взрослого человека как результат формирующего воздействия семьи, школы, детских переживаний и приключений. В этом отношении роман Потанина, конечно, неполон: читатель так и не узнает, каким человеком станет Вася Подпалкин. Однако эта неполнота, по нашему убеждению, случайна, не связана с замыслом писателя и обусловлена лишь преждевременным прекращением работы. Несмотря на не-

завершенность произведения, в его написанной части реализуются основные топосы Bildungsroman(a): идиллически изображаемое детство, значимые жизненные испытания, воспитание чувств.

Традиционное для романа воспитания описание рождения героя сопровождается у Потанина также привычным для жанра предсказанием ребенку судьбы: бабушка-повитуха Сампсониха, забирая у матери младенца, «напророчила, что он будет счастливцем, потому что родился в сорочке» [Потанин 1861: № 1, 13] (ср. с подобной сценой в «Рыцаре нашего времени» Н.М. Карамзина [Карамзин 1964: 756]). Вася семнадцатый ребенок своих родителей — и первый выживший. Вся первая глава посвящена тому, как «прошеное и моленое дитятку Васеньку» [Потанин 1861: № 1, 18] любят и холят все вокруг.

Детство Васи до определенного момента изображается идиллически, его мир — «маленький чудный мирок», в котором герой живет «безгрешно и свято» [Потанин 1861: № 1, 37]. Картины детства Васи во многом рифмуются с жизнью в Обломовке³ — «благословенном уголке», где проходят ранние годы героя романа И.А. Гончарова. Равнодушие идиллии к социальным проблемам делает возможным само это сопоставление: перед нами не барчонок и крепостной мальчик, а равные друг другу дети природы. В романе Гончарова природа предстает «одомашненной», лишенной масштаба⁴: достаточно заметить, что небо, в романтической традиции представлявшееся как нечто несущее в себе высокие религиозные и философские смыслы, уподобляется в описании Обломовки «родительской надежной кровле». Потанин следует за идиллической традицией еще дальше, отсылая к теории «естественного» человека Ж.-Ж. Руссо: «...и вот Вася не сердится уже на то, что его отогнали от себя мама с тятей. И этим чудным забвением ребенок как будто хочет сказать нам: “я чистый младенец; у меня есть другая нежная мама, она меня никогда не обидит и не отгонит, эта ласковая мама моя — мать природа”» [Потанин 1861: № 1, 38].

В укладе детской жизни Илюши Обломова и Васи Подпалкина⁵ действительно немало общего: оба они окружены любовью и заботой

³ Необходимо заметить, что сближение Г.Н. Потанина с И.А. Гончаровым не ограничивается параллелями в литературном творчестве. Оба писателя были родом из Симбирска; в середине 1840-х гг. Потанин давал уроки русского языка племянникам Гончарова и неоднократно встречал автора «Обломова» в их доме. См., например: [Ювачев 1911: 516–517].

⁴ Подробнее об этом см.: [Краснощекова 2008: 190–191].

⁵ Заметим, что оба героя имеют говорящие фамилии. О символическом смысле фамилии Обломов см.: [Тирген 1990: 23–24; Мельник 1985: 21]. Говорящие фамилии в романе Потанина имеют прежде всего социальный смысл: крепостной мальчик оказывается Подпалкиным, помещики — Людоедовыми и Длинногубовыми.

близких, по вечерам слушают сказки деревенских старух о мертвцах и оборотнях, стремятся выйти за пределы домашнего мирка и впервые садятся за книгу со слезами. В описаниях того, как мальчики пытаются познакомиться с «большим миром», переключек особенно много. Так, например, их детская любознательность в какой-то момент начинает граничить с жестокостью. В романе Гончарова читаем: Илюша «поймает стрекозу, оторвет ей крылья и смотрит, что из нее будет, или проткнет сквозь нее соломинку и следит, как она летает с этим прибавлением» [Гончаров 1998: 113]; подобное описание встречаем и у Потанина: «...вместо того, чтоб любоваться милой и пестрой бабочкой, Вася уже изобретал средства, как бы поймать эту милую бабочку и потом, наигравшись ею, оборвать ее прелестные крылышки и растерзать это маленькое существо» [Потанин 1861: № 1, 44].

И Гончаров, и Потанин опираются на идеи русских писателей 1840-х гг., большое внимание уделяя проблеме социальной детерминированности. Краснощекова пишет: «“Сон Обломова” повествует об образовании “человека идиллии” из обычного нормального ребенка» [Краснощекова 2008: 189]. Путь Васи в этом отношении более традиционен для Bildungsroman(a): для него идиллия заканчивается еще в детстве. Природа остается для Васи матерью, но окружающий мир быстро теряет свою пасторальность. С первых строк второй главы романа проблематизируется крепостное положение героя: «Но что такое пятилетний ребенок у таких родителей, как наши чем-то вечно занятые крепостные люди? <...> Безошибочно можно сказать, что вся его физическая жизнь заключается в пяти только словах: есть, пить, спать и играть, а пятого нельзя уже и сказать» [Потанин 1861: № 1, 38].

Ключевая для Bildungsroman(a) проблема становления и изменчивости всего живого заявлена уже в названии произведения. Название-пословицу из опасения сложностей с цензурой дает роману Некрасов взамен авторского заглавия «Крепостное право». В романе Потанина эта пословица, бывшая в большом ходу в XIX — перв. пол. XX вв., повторяется несколько раз. Примеры ее употребления можно найти в произведениях многих писателей этого периода (Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и др.), однако кажется интересным, что пассаж о скоротечности человеческой жизни, заканчивающийся этой пословицей, встречается и в «Обломове»:

— Вот жизнь-то человеческая! — поучительно произнес Илья Иванович. — Один умирает, другой рождается, третий женится, а мы вот все стареемся <...> !.. Грустно, как подумаешь...

— Старый старится, а молодой растет! — сонным голосом кто-то сказал из угла. [Гончаров 1998: 129]

Мысль Ильи Ивановича не нова, ответ-пословица это лишь подтверждает. Однако беря во внимание другие сближения между двумя романами, мы предполагаем, что эта текстуальная параллель может указывать на желание Потанина вступить в творческий диалог с Гончаровым. Работая над своим первым романом, Потанин сознательно ориентируется на традицию Bildungsroman(a) и воспринимает «Обломова» как ее образцовый текст. Прямую отсылку к произведению Гончарова мы встречаем, наконец, в «Уездном училище» Потанина — продолжении романа «Старое старится, молодое растет»: один из уездных учителей спрашивает другого, читал ли тот новый роман Гончарова «Обломов». «Читать-то я читал, — отвечает Федор Иваныч по-обломовски, да он мне как-то не совсем по нутру, больно уж того...» [Потанин 1865: № 3, 29].

Важной для обоих писателей оказывается фигура ментора, обязательная для романа воспитания. Так, в «Обломове» большое значение имеют образ отца Штольца — учителя и «этюды воспитания» Илюши и Андрея; идея наставничества лежит в основе любовной интриги Обломова и Ольги. Для Потанина вопросы воспитания и преподавания обладали глубоким личным смыслом: он с юности занимался преподаванием, часть его наследия составляют труды по педагогике. Решающее значение фигура наставника имеет и для романа «Старое старится, молодое растет»: неслучайно первое его название — «Учитель». История о том, как маленький Вася получал образование, представляет сюжетный остов произведения. Справедливым для него оказывается замечание Краснощековой о Bildungsroman(e): «Рядом с главным персонажем все другие — второго ряда. <...> значимость каждого определяется степенью его влияния на главного героя» [Краснощекова 2008: 28].

Первые влияния на Васю его близкого круга просты и естественны: матери мальчик обязан своими ранними убеждениями, старуха Ионовна развивает воображение Васи сказками, пытается привить ребенку наивную народную религиозность. Немного повзрослев, Вася сходится с отцом, связь между ними оказывается глубокой и сильной, но дать сыну «нравственную жизнь» отец не может. Родители Васи не раз задумываются о том, нужно ли мальчику учиться. Они воспринимают учение и как нечто возвышающее (отец настойчиво повторяет, что ученье — свет, а неученье — тьма и что «за ученого двух неученых дают» [Потанин 1861: № 1, 47]), и как что-то вроде наказания: судьба Васи решается после очередной его провинности, когда мать говорит отцу: «Засади ты его, головореза, учиться» [Потанин 1861: № 1, 91].

Первые учителя Васи представляют разные вариации типа лже-учителя, заставляя читателя вспомнить фонвизинского учителя

словесности Кутейкина и гувернера пушкинского Петруши Гринева француза Бопре. Автор создает целую галерею (приказчик, портной, башмачник, дьякон, сапожник) образов невежественных учителей, чье учение — «убийственная мертвечина». Одним из важных наставников становится для Васи его петербургский дядя, напоминающий одновременно учителя Вральмана из драмы Фонвизина и гоголевского Хлестакова — новое учение состоит «из пустяков и вздору, по образцу петербургскому» [Потанин 1861: № 2, 446], но Вася полюбил его, любя дядю. Несмотря на то, что занятия с учителями зачастую бесполезны и даже вредны, со временем Васе удастся полюбить учение. Своего настоящего Учителя мальчик находит не в училище и не на платных уроках — им становится девочка Лидия, младшая дочь Васиного барина.

Само присутствие Лидии в Васиной детской жизни развивает в герое доброту, чуткость и способность к состраданию. В раннем детстве девочка болеет «собачьей болезнью» (рахитом), и Вася глубоко переживает за нее и сердечно хочет «вылечить больнушку» [Потанин 1861: № 3, 59]. На фоне физической слабости девочки отчетливее видны ее нравственная сила, душевное благородство и ум. Лидия становится для Васи другом и заступником, помогает мальчику в учебе, читает ему вслух Пушкина и Крылова. Встреча с первым на его пути «живым существом», Лиденькой, меняет жизнь Васи к лучшему — в свою очередь, он старается во всем угодить барышне, заслужить ее добрый взгляд и очень радуется, когда узнает, что достанется ей в приданое. Хотя первое чувство героев не успевает перерасти в любовь и остается ее «первым вздохом», в образе Лиденьки соединяются черты идеализированного образа возлюбленной, характерного для романа воспитания. В конце романа не реализовавшаяся любовная линия героев все же упирается в разницу их социальных положений: «Сквозь самого близкого и братского обхождения его с нею [Лиденькой — З.Г.], видно было, что Вася чего-то опасался, — как будто того горького сознания, что она для него чужая» [Потанин 1861: № 4, 486]. Так или иначе, под влиянием Лиденьки Вася взрослеет, учится чувствовать и любить.

Несмотря на то, что модели и образцы дворянских романов воспитания очень сильны и Потанин во многом на них опирается, в его произведении на первый план выходит социальная проблематика. Автор постоянно напоминает читателю, что его герой — крепостной крестьянин, его происхождение и условия жизни не позволяют ему углубляться в рефлексию, он не склонен к мечтательности и меланхолии, как многие герои этого жанра. В то время как персонажи других *Bildungsroman*(ов) заняты «поиском осмысленного существования в обществе, поиском авторитетных ценностей» [Hirsch 1979:

297], главной задачей Васи на пути к нравственному становлению оказывается преодоление социального разрыва между ним и «благородными» людьми.

Как и всякий герой Bildungsroman(a), Вася проходит через ряд жизненных испытаний, инициаций, которые ведут его к взрослению. Резким скачком в истории взросления героя становится его первое настоящее несчастье — смерть отца (ситуация смерти близкого человека/ретроспективное сообщение о ней часто служат отправной точкой сюжета Bildungsroman(a): ср. «Рыцарь нашего времени» Н.М. Карамзина, «Нечочка Незванова» Ф.М. Достоевского). Жизнь мальчика превращается в слезы матери и вздохи старух; Васю начинают воспринимать как сироту — что делает его одновременно объектом для жалости добрых людей и легкой жертвой для обидчиков.

В то же время смерть верного слуги заставляет барина исполнить давно данное обещание — Вася получает вольную. Перед героем открываются новые перспективы: он выпускается из училища и готовится к поступлению в гимназию, после окончания которой ему прочат университет — а там, как рассказывает Васина мать старухам, «чиновником может быть и шпагу будет носить!» [Потанин 1865: 168] Будущее мальчика рисуется особенно ярко на контрасте с судьбой его крепостных брата и матери: в последнем из «эпизодов» Вася становится свидетелем того, как по приказанию пьяного барина бьют его мать. Остросоциальное, эмоциональное окончание последней из напечатанных глав позволяет предположить, что продолжение романа должно было стать более радикальным.

Итак, в центре романа «Старое старится, молодое растет» — история становления крепостного мальчика Васи Подпалкина. В произведении реализуется классическая схема присущего дворянской культуре Bildungsroman(a) (основные элементы которого — описания детства, взаимодействие героя с учителями, прохождение жизненных испытаний, первое чувство любви) — при этом роман ярко социально окрашен и поднимает знакомые автору проблемы крестьянской жизни. Роман Потанина, таким образом, сочетает в себе черты Bildungsroman(a), формирующегося в середине XIX в. романа из крестьянского быта и художественно оформленных мемуаров и действительно является уникальным для русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вдовин А.В.* Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М, 2024.
2. *Гинзбург Л.Я.* О литературном герое. Л., 1979.
3. *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1998. Т. 4.

4. Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. Л., 1964. Т. 1.
5. Краснощечкова Е.А. Роман воспитания. Bildungsroman на русской почве: Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский. СПб., 2008.
6. Makeev A.F. Из воспоминаний Г.Н. Потанина // Живая старина. 2001. № 3. С. 35–37.
7. Makeev A.F. Изображение крестьянства в романе Г.Н. Потанина «Крепостное право» // Ученые записки Ульяновского гос. пед. ин-та. 1968. Т. 20. В. 1. С. 208–222.
8. Машинский С.И. О мемуарно-автобиографическом жанре // Вопросы литературы. 1960. № 6. С. 142–143.
9. Мельник В. Реализм И.А. Гончарова. Владивосток, 1985.
10. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1999. Т. 12. Кн. 1.
11. Потанин Г.Н. Старое старится, молодое растет // Современник. 1861. № 1. С. 13–118. № 2. С. 411–522. № 3. С. 41–138. № 4. С. 383–498.
12. Потанин Г.Н. Уездное училище // Русское слово. 1865. № 3. С. 1–52.
13. Потанин Г.Н. Эпизоды из романа «Старое старится, молодое растет» // Русское слово. 1865. № 4.
14. Турген П. Обломов как человек-обломок (к постановке проблемы «Гончаров и Шиллер») // Русская литература. 1990. № 3. С. 23–24.
15. Ювачев И.П. Гавриил Никитич Потанин // Исторический вестник. 1911. № 5. С. 516–517.
16. Hirsch M. Novel of Formation as Genre: Between Great Expectations and Lost Illusions // Genre Norman. V. 12. № 3. New-York, 1979. P. 293–311.

REFERENCES

1. Vdovin A.V. *Zagadka naroda-sfinksa. Rasskazy o krest'ianakh i ikh sotsiokul'turnye funktsii v Rossiiskoi imperii do otmeny krepostnogo prava* [Riddle of the Sphinx-like People. Narratives about peasants and their sociocultural functions in the Russian Empire before the abolition of serfdom]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2024, 560 p. (In Russ.)
2. Ginzburg L.Ya. *O literaturnom geroe* [About the Literary Hero]. Leningrad, *Sovetskii pisatel' Publ.*, 1979, 221 p. (In Russ.)
3. Goncharov I.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 20 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 vols.]. St. Petersburg, *Nauka Publ.*, 1998, vol. 4. 492 p. (In Russ.)
4. Karamzin N.M. *Izbrannye sochineniia: V 2 t.* [Selected Works: in 2 vols.]. Leningrad, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1964, vol. 1, 810 p. (In Russ.)
5. Krasnoshchekova E.A. *Roman vospitaniia. Bildungsroman na russkoi pochve: Karamzin, Pushkin, Goncharov, Tolstoi, Dostoevskii* [A novel of education. Bildungsroman on Russian soil: Karamzin, Pushkin, Goncharov, Tolstoy, Dostoevsky]. St. Petersburg, *Pushkin Foundation Publ.*, 2008, 480 p. (In Russ.)
6. Makeev A.F. Iz vospominanii G.N. Potanina [From the memoirs of G.N. Potanin]. *Zhivaia starina*, 2001, № 3, pp. 35–37. (In Russ.)
7. Makeev A.F. Izobrazhenie krest'ianstva v romane G.N. Potanina «Krepostnoe pravo» [Portrayal of the peasantry in G.N. Potanin's novel "Serfdom"]. *Uchenye zapiski Ul'ianovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 1968, vol. 20 (1), pp. 208–222. (In Russ.)
8. Mashinskii S.I. O memuarno-avtobiograficheskom zhanre [About the memoir-autobiographical genre]. *Voprosy literatury*, 1960, vol. 6, pp. 142–143. (In Russ.)

9. Mel'nik V. *Realizm I. A. Goncharova* [Realism by I.A. Goncharov]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ., 1985, 139 p. (In Russ.)
10. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 15 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 vols.]. St. Petersburg, *Nauka Publ.*, 1999, vol. 12, book 1, 506 p. (In Russ.)
11. Potanin G.N. Staroe staritsia, molodoe rastet [The old gets old, the young grows up]. *Sovremennik*, 1861, № 1, pp. 13–118. № 2, pp. 411–522. № 3, pp. 41–138. № 4, pp. 383–498. (In Russ.)
12. Potanin G.N. Uezdnoe uchilishche [County school]. *Russkoe slovo*, 1865, № 3, pp. 1–52. (In Russ.)
13. Potanin G.N. Epizody iz romana «Staroe staritsia, molodoe rastet» [Episodes from the novel “The old gets old, the young grows up”]. *Russkoe slovo*, 1865, № 4, pp. 143–174. (In Russ.)
14. Tirgen P. Oblomov kak chelovek-oblomok (k postanovke problemy «Goncharov i Shiller») [Oblomov as a man like shatter (to the problem statement “Goncharov and Schiller”)]. *Russkaia literatura*, 1990, № 3, pp. 18–33. (In Russ.)
15. Iuvachev I.P. Gavriil Nikitich Potanin [Gavriil Nikitich Potanin]. *Istoricheskii vestnik*, 1911, № 5, pp. 515–526. (In Russ.)
16. Hirsch Marianne. Novel of Formation as Genre: Between Great Expectations and Lost Illusions. *Genre Norman*, 1979, vol. 12, № 3, pp. 293–31.

Поступила в редакцию 26.01.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 19.01.2026

Received 26.01.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 19.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Зоя Вячеславовна Гусева — аспирант, кафедра истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
zoia.guseva.2000@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Zoia V. Guseva — Graduate Student, Department of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; zoia.guseva.2000@mail.ru